

DOI 10.24411/9999-001A-2020-10038
УДК 94

Е.И. Красильникова
Новосибирский государственный технический университет
пр-т К. Маркса, д. 20, г. Новосибирск, Россия, 630073
ул. Академика Осипова, 15, Тобольск, Тюменская обл., Россия, 626152
katrina97@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0014-0655>.

**Дореволюционная архитектура городов Новосибирской области:
проблемы мемориализации (конец 1960-х — начало 1990-х годов)**

Аннотация

В статье рассматривается процесс включения в мемориальное пространство города Новосибирска дореволюционных архитектурных объектов в конце 1960-х — начале 1990-х гг. Исследуются политические и культурные контексты этого процесса. В качестве методологической основы исследования предлагается оригинальный концепт мемориального пространства. Автор приходит к выводам о том, что вплоть до конца 1960-х гг. дореволюционные каменные и деревянные постройки в Новосибирске и Новосибирской области практически не осознавались местными властями и широкой общественностью в качестве наследия, достойного мемориализации. С конца 1960-х гг. представители творческой и научной интеллигенции начали борьбу за признание наиболее интересных с точки зрения архитектурных решений зданий в качестве памятников. Но этим инициативам мешала государственная политика памяти, местные планы по застройке территории и градостроительству, поэтому многие выявленные и взятые под охрану памятники были все равно утрачены. В начале 1990-х гг. обоснование ценности выявленных памятников стало более легкой задачей, поскольку этому не мешала идеология. Однако у памятников стали появляться новые враги — строительный бизнес и кризис финансирования сферы культуры, поэтому их защита осталась сложной задачей. Этим, в частности, объясняется сравнительная бедность мемориального пространства городов Новосибирской области.

Ключевые слова: мемориальное пространство, мемориализация, памятник архитектуры, наследие, Новосибирск, города Новосибирской области

E.I. Krasilnikova
Novosibirsk State Technical University
С. Marx Avenue, 20, Novosibirsk, Russia, 630073
katrina97@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0014-0655>.

**Pre-revolutionary architecture of cities in the Novosibirsk region:
problems of memorialization (the late 1960s — the early 1990s)**

Abstract

The article deals with pre-revolutionary architectural objects, that were included in the memorial space of the Novosibirsk city in the late 1960s — the early 1990s. The political and cultural contexts of this process are studied. The original concept of the memorial space is proposed as a methodological basis for the research. The author makes a conclusion that up to the end of the 1960s pre-revolutionary stone and wooden buildings in Novosibirsk and the Novosibirsk region were almost not recognized by local authorities and the general public as a heritage worth memorizing. Since the end of the 1960s, creative and scientific communities has begun to struggle for recognizing the most interesting buildings in terms of architectural solutions as monuments. But these initiatives were hindered by the state politics of memorizing, local plans for development of the territory and urban reconstruction. Therefore, many monuments were lost. In early 1990s justifying the value of the identified monuments became an easier task, as it was not hindered by ideology. However, the monuments began to have new enemies — the construction business and the financial crisis of cultural sector. Therefore, the preservation of monuments remained a difficult task. This, in particular, explains the relative small amount of the memorial space in the cities of the Novosibirsk region.

Key words: memorial space, memorialization, architectural monument, heritage, Novosibirsk, cities of the Novosibirsk region

Введение. К настоящему времени в городах Новосибирской области сохранилось сравнительно немного памятников деревянного и каменного зодчества, строительство которых относится к дореволюционному периоду отечественной истории. Их сохранение связано со множеством проблем. Нередко на глазах общественности разворачиваются мемориальные конфликты между защитниками подобных памятников из числа архитекторов, музейных работников, историков, краеведов, политиков, журналистов, а также представителей широкой общественности с одной стороны и чиновниками и застройщиками городской территории с другой. В таких дискуссиях бывает сложно защитить памятник от сноса, доказать его ценность и соответствие критериям памятника. Во многом острота подобных конфликтов объясняется отсутствием четких критериев ценности артефакта и целесообразности его причисления к сфере историко-культурного наследия. На невозможность выработки объективных критериев для определения памятника обратил внимание еще в начале XX в. австрийский искусствовед А. Ригль [Ригль, 2018, с. 14–15]. Критерии ценности артефакта подвижны и зависимы от идеологии, от научной школы, к которой причисляет себя тот или иной эксперт, от культурной традиции и прочих обстоятельств. Между тем едва ли можно согласиться с целесообразностью сноса старых зданий ради расчистки городской территории под новую застройку. Защита старинных построек от разрушения сопряжена с решением проблем укрепления социальной идентичности местных сообществ, брендинга региона, развития внутреннего и внешнего туризма, повышения качества местной культурной жизни и роста потенциала региональной науки. Первые серьезные заявления о необходимости признать ценность сохранившейся с дореволюционного периода архитектуры городов Новосибирской области прозвучали в конце 1960-х гг. Сегодня представляется чрезвычайно актуальным обращение к этому опыту охраны памятников дореволюционного зодчества Новосибирска и малых городов Новосибирской области, поскольку важно понимать, как и почему мемориальное пространство современного города стало именно таким, каким оно выглядит в современности. Думается, что этот исторический опыт обоснования ценности памятников и выработки стратегий их защиты будет полезен в свете поиска путей сохранения того, что досталось нам в наследство от прошлых поколений, но может быть навсегда утрачено.

Цель предлагаемого исследования — раскрыть проблемы мемориализации дореволюционной архитектуры городов Новосибирской области в конце 1960-х — начале

1990-х гг. Для этого предстоит решить следующие задачи: дать общую характеристику состояния мемориального пространства городов Новосибирской области к концу 1960-х гг., оценить значимость дореволюционных памятных мест в этом пространстве; отметить контексты политики памяти, повлиявшей на мемориализацию, выяснить, кто инициировал мемориализацию объектов дореволюционной архитектуры, не имевшей статусов памятников и наследия, проследить процесс постепенного включения дореволюционной архитектуры городов Новосибирской области в мемориальное пространство этих городов; выделить этапы этого процесса и выявить сложности, возникавшие у защитников памятников в «борьбе за наследие».

Исходной методологической позицией предлагаемого исследования является различие категорий «пространства» и «места», предложенное одним из ведущих на сегодняшний день теоретиков мемориальной культуры А. Ассман. «Место» в этом понимании связано с материальным, осязаемым воплощением исторических событий в следах и знаках, «которые уничтожаются или сохраняются, отбрасываются или расшифровываются, помечаются или не помечаются, забываются или запоминаются». «Пространство» же, или территория, довольно абстрактно, в основном ориентировано на будущее, на преобразование без сожаления о его прежнем облике. А. Ассман подчеркивает, что одна и та же географическая область может быть названа либо «пространством», либо «местом» в соответствии с намерениями и стратегиями говорящего [Assman, 2018, pp. 288–289]. Учитывая это принципиальное различие, можно говорить о том, что городское пространство, или территория города, насыщено «местами» и целыми системами «мест», сложившимися исторически, в результате деятельности разных субъектов, находящихся между собой в разных отношениях: в прямой, в частичной взаимосвязи или в разрыве. В рамках одного пространства одни и те же локации могут иметь значение «мест» для отдельных сообществ, но могут восприниматься и как некое незначимое пространство другими, не менее, но и не более отдельными сообществами. В контексте такого подхода мемориальным пространством можно признать ту часть городского пространства, которая имеет для городских жителей значение «мест», связанных с их коллективной памятью.

В развитие идей А. Ассман мы предлагаем понимать мемориальное пространство как систему территориально локализованной коммеморативной деятельности, а также воплощающих ее артефактов и символических репрезентаций, выполняющую значимую функцию обеспечения вну-

тренней интегрированности как на уровне местных сообществ, так и на уровне общегосударственном. Мемориальное пространство складывается в условиях регулярности воспроизведения в массовом сознании населения воспоминаний о символически значимых персонах и событиях, маркирующих собой наиболее значимые черты существующего социального порядка и легитимизирующих его культурно-идеологических оснований [Вальдман, Громова, 2019, с. 39]. Мемориальное пространство постоянно меняется. Внутри его, под воздействием множества факторов, в числе которых особенно выделяется политика памяти, на разных исторических этапах обществом обозначаются памятные места и памятники, образующие целые, объединенные общими смыслами, системы. Одновременно другие системы памятников и памятных мест теряют актуальность и подвергаются забвению, которое может сопровождаться разрушением. Прежде забытые памятники нередко актуализируются с течением времени, обретая новые смыслы и вписываясь в новые мемориальные системы. Включение тех или иных артефактов в мемориальное пространство мы называем мемориализацией.

Предлагаемое исследование посвящает особую категории памятников — тем, которые, по выражению А. Ригля, изначально не были задуманы как памятники, а обрели значение памятников с течением времени в результате переосмысления обществом его прошлого. Начиная с эпохи Ренессанса памятником истории считают то, что признается искусством предков, нередко мнимых. Такие «признанные» памятники символически продляют историю признающих их сообществ, повышая их статус и значимость. Именно поэтому исторические памятники — свидетельства достижений и славы предков — стараются сохранять в неизменном виде, не допуская перестроек [Ригль, 2018, с. 17; 46–49]. В рамках исследования мы прослеживаем процессы конструирования символически взаимосвязей между артефактами, которые предлагалось признать памятниками, и местными сообществами, переосмыслившими свое прошлое. То, как это происходило, и представляет для нас главный интерес.

Истории деревянного и каменного зодчества Новониколаевска и малых городов Новосибирской области посвящено немало работ архитекторов, искусствоведов и специалистов в области музейного дела [Баландин, 1987; Крячков, 1951; Павлова, Гайер, 2015 и др.]. Изучалось и формирование городской среды этих населенных пунктов в дореволюционное время с присутствием этой эпохи архитектурным своеобразием [Вольская, Беляева, 2019; Новокшенов, 2013]. Многочисленны работы, посвящен-

ные истории и эстетическим достоинствам отдельных памятников дореволюционного зодчества городов Новосибирской области [Кузнецова, 2019; Фурсова, 2014 и др.]. Исследователи также затрагивали историю борьбы за сохранение старинной архитектуры Новосибирска посредством периодической печати [Киселева, 2014]. Однако процесс мемориализации этого признанного на сегодняшний день наследия до сих пор не становился предметом специального исследования. В определенном смысле он был обусловлен контекстами изменений в сфере государственной политики памяти и местной общественно-политической жизни. Раскрытию этих контекстов помогают исследования, посвященные проблемам политики памяти изучаемого периода [Копосов, 2011; Donovan, 2015].

Источниками изучения заявленной темы послужили прежде всего документы из фонда Новосибирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), хранящиеся в государственном архиве Новосибирской области (ГАО). Нами были использованы списки памятников и памятных мест, предлагавшихся этим обществом к постановке под охрану и поставленных под охрану, паспорта памятников, отчеты о деятельности общества, рукописи краеведов, посвященные истории архитектурных объектов, справки об использовании памятников и др. Борьба за признание объектов дореволюционной архитектуры памятниками и их сохранение отражает местная периодическая печать (газетная и журнальная), также послужившая для нас ценным источником. Информативные с точки зрения нашего исследования источники содержатся и в коллекциях Музея архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина НГУАДИ (личные фонды архитекторов А.Д. Крячкова, В.М. Пивкина, фотоколлекция памятников деревянного зодчества Новосибирской области). Сами здания-памятники рубежа XIX–XX вв., сохранившиеся до сих пор, также послужили для нас вещественными источниками исследования.

Полученные результаты и их суждение. На предшествующих этапах в мемориальном пространстве городов Новосибирской области доминировали памятники и памятные места, связанные с официальным советским историческим метанарративом. Так, в Новосибирске (до 1926 г. город назывался Новониколаевском) уже в 1920-х гг. сложился сегмент мемориального пространства, увековечивавший память о местных героях революции и подпольной борьбы с «колчаковщиной». Она символически противостояла дореволюционной «романовской» системе памятных мест, оформившейся в первые два десятилетия существования Новониколаевска. Уже в

1920 г. прошла кампания по переименованию центральных городских улиц, названия которых отражали имперский дискурс памяти (Николаевский проспект, Кабинетская улица, улицы, увековечивавшие память царских чиновников — Гондатти, Асинкритовская, Тобизеновская, а также инженеров — строителей моста через Обь, возведение которого рассматривалось современниками в контексте реализации крупнейшего государственного инфраструктурного проекта — строительства Транссибирской магистрали). В 1930-х гг. закрывались церкви. Это произошло и с Александро-Невским собором, считавшимся до революции памятником Александру III. Николаевская часовня, построенная в память о 300-летию дома Романовых, в 1929 г. была снесена, а здание реального училища, некогда открытого к этому же юбилею, было передано советскому учреждению и перестроено в 1920-х гг. Те объекты городской среды, которые сохранялись с дореволюционного периода, но не ассоциировались с памятью о событиях и деятелях Октябрьской революции и Гражданской войны, официально не признавались ценными ни городскими властями, ни краеведами. Лишь в конце 1920-х гг. члены вскоре упраздненного «Общества изучения Сибири и ее производительных сил» ставили вопрос о необходимости изучения местной истории, в том числе в ее повседневных аспектах. Известной нам сегодня реакцией на эту инициативу стало, в частности, письмо музейным работникам от одного из первых жителей Новониколаевска М.В. Можарова, изложившего свое неформальное представление об истории этого города и предложившего, в частности, отметить мемориальной табличкой первый частный дом, местонахождение которого он еще помнил [Красильникова, 2015, с. 450–452]. Однако этого так и не было сделано. А память о первом доме Новониколаевска со временем угасла.

На условной периферии городского мемориального пространства в советское время сохранялись объекты, которые ассоциировались с сугубо локальной дореволюционной историей: улицы, воспроизводившие названия тех населенных пунктов, откуда перебирались в Новониколаевский поселок его первые жители (Колыванская, Кривошековская и др.), а также старые кладбища, хранившие семейную память и память отдельных местных сообществ. Однако ценность последних не признавалась официально ни местными властями, ни организациями и учреждениями, занимавшимися охраной историко-культурного наследия.

Вплоть до распада СССР в мемориальном пространстве Новосибирска явно доминировали топонимы и памятники, значимые в общесоветском масштабе. Даже места,

связанные с локальным военно-революционным прошлым, находились в тени этой системы. В годы Великой Отечественной войны память о некоторых новониколаевских героях Гражданской войны актуализировалась в контексте патриотической пропаганды. Но хронологический промежуток с 1945 по 1965 г. стал для Новосибирска временем своеобразного мемориального «провала», когда практически не уделялось внимания местам, связанным именно с городской историей, даже революционной. Досоветское прошлое города считалось незначительным и даже мрачным. Его «убогие», «мелкие», по словам ведущего новосибирского архитектора тех лет А.Д. Крячкова [Крячков, 1951, с. 3], следы, сохранившиеся в городском пространстве, не ценились и зачастую без колебаний уничтожались. С лица земли исчезали деревянные дома, старые кладбища, церкви вошедших в 1929–1930 гг. в городскую черту Новосибирска сел и деревень. Даже доктор искусствоведения профессор Е.А. Ащепков писал в 1977 г., что до революции в Новосибирске отсутствовали квалифицированные кадры строителей и архитекторов, поэтому и архитектурный фонд города до 1917 г. оставался скромным, и город «сказочно преобразился» лишь после Октябрьской революции [ГАНУ, Ф.Р-2954. Оп. 1. Д. 178. Л. 103].

Однако в 1960–70-х гг. объектом краеведческого внимания и научного изучения все-таки стало дореволюционное зодчество Новосибирска — жилые дома и общественные здания, строившиеся на рубеже XIX и XX вв. Формально этот интерес был продиктован идеологически, установками коммунистической партии и правительства на создание «исторической базы для строительства коммунизма» и воспитания патриотизма посредством освоения историко-культурного наследия. Процессы частичной десталинизации обусловили отказ от жесткой унификации официального исторического нарратива, существенно повлиявшего на мемориальное пространство страны, которое в 1930–50-х гг. наполнилось однотипными памятниками вождям, теснившими прочие мемориальные объекты. В качестве альтернативы этой линии политики памяти государство уполномочило местные элиты организовать процессы формирования региональных исторических нарративов, которые должны были встраиваться в общесоветский контекст и выполнять функцию стимуляции советского патриотизма. Важной задачей в свете этой магистральной установки коммунистической партии стала забота о памятниках архитектуры, многие из которых в предшествующий период пришли в запустение. Государство инициировало поиск таких примеров материальной культуры прошлого, которыми советским людям

можно было бы гордиться, прочувствовав историческую связь между выдающимися мастерами прошлого и сегодняшними строителями коммунизма. Государство пыталось контролировать мемориальные процессы на местах. Фактически же, как уже было отмечено британским славистом В. Донован, между регионами и центром стали формироваться точки напряжения [Donovan, 2015, pp. 481–483]. На местах стало расти историческое самосознание. Стимулирование исторической памяти привлечением внимания к местной истории и разъяснением значимости вклада каждого в исторический процесс вело к расшатыванию формального общесоветского нарратива. Для активистов на местах открывалась возможность реактивации локальных исторических нарративов, которые подавлялись центральными властями в предыдущие десятилетия.

Борьба за сохранение памятников дореволюционной архитектуры может быть интерпретирована и в контексте культурных процессов периода «оттепели», когда интеллигенция пребывала в поиске новых ценностных ориентиров в творчестве. В этом смысле архитекторы и градостроители не составляли исключения. Фактически они обращались к отвергнутому ранее опыту своих предшественников из числа музейщиков, художников и зодчих, еще в 1920-х — начале 1930-х гг. видевших своеобразие и индивидуальность городов Сибири в их архитектуре, связанной с глубокими народными традициями (А.Л. Шиловский, М.Б. Шатилов, А.М. Прибыткова-Фролова и др.) [Красильникова, 2015, с. 416–419]. Еще в те годы интеллигенция Томска, Иркутска и Красноярска формировала в коллективной памяти сибиряков позитивные образы городской старины, используя музейные, художественные и литературные средства. В сохранении и продолжении архитектурно-градостроительных традиций им виделся залог гармоничного культурного развития сибирских городов в дальнейшем. Теперь творческая интеллигенция сравнительно старых сибирских городов актуализировала эти идеи. В частности, иркутяне и томичи выступили с рядом инициатив, направленных на охрану архитектурных памятников их городов. Не остались в стороне и новосибирские архитекторы, разделявшие умонастроение регионального профессионального сообщества. Для того чтобы отстаивать ценность старинных зданий, архитекторы использовали официальный язык политической пропаганды. Однако они ставили перед собой более широкие культурные задачи, нежели участие в очередной идеологической кампании. Именно поэтому им приходилось дискутировать с представителями местных властей, нечувствительных на тот момент к проблеме архитектурного наследия молодого города,

которому не было и ста лет.

Первооткрывателями дореволюционного архитектурного наследия стали прежде всего В.М. Пивкин, М.И. Болотин, О.П. Ваганова, И.П. Журин и С.Н. Баландин. Эти ученые-архитекторы выявили в городе более сорока объектов деревянного и каменного строительства, имевшего, по их мнению, ценность. В.М. Пивкин отмечал, что доказывать ценность этих зданий было непросто даже коллегам архитекторам, не говоря уж о коммунальщиках, строителях и чиновниках [Пивкин, 1969]. Они отыскивали, фотографировали и обмеряли достойные, по их мнению, сохранения постройки, а также готовили всю необходимую документацию для постановки этих зданий под охрану [Пивкин, 1979]. Список выявленных архитектурных памятников, рекомендованных к постановке под охрану, куда вошли деревянные дома и дореволюционные купеческие особняки, был составлен в 1969 г. [ГАНУ, Ф.Р-2954. Оп. 1. Д. 25. Л. 4–10.]. Архитектурными памятниками признавались каменные дореволюционные особняки на ул. Каинской, д. № 1 и д. № 3, на ул. Мичурина, д. № 6, на ул. Ядринцевской — д. № 19 и д. № 25. Дом № 13 на ул. Каинской обозначался в списке как «усадебный булочника», что можно признать отражением интереса не только к архитектурной форме памятника, но и к его историческому значению. Впервые в список попали памятники деревянного зодчества: одноэтажный жилой дом на ул. Кольванской, д. № 7, а также двухэтажный жилой дом, построенный для военнослужащих на ул. Крылова, д. 10. Ряд построек был отнесен к категории ценной среды и рекомендован к постановке под охрану. Примерами могут послужить здание на ул. Коммунистической, д. 43 («дом купчихи Жернаковой») и на Красном проспекте, д. 9 («дом купца Маштакова»).

Постановлением облисполкома № 419 от 25 июня 1971 г. городские памятники дореволюционного зодчества ставились под охрану. Это же постановление содержало пункт о создании в исторической части города градостроительного заповедника — уголка дореволюционного Новониколаевска, улицы, мощеной булыжником, с деревянными тротуарами и палисадниками, на которой предполагалось разместить старые дома-памятники, перенесенные из разных частей города [Пивкин, 1989]. Но эта инициатива так и осталась до сих пор нереализованной. В 1979 г. архитекторы признали технически невозможным перенос существовавших в городе памятников деревянного зодчества [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 219. Л. 18].

На рубеже 1960–70-х гг. интерес к дореволюционному зодчеству Новониколаевска проявили не только архитекторы. Другие

краеведы, включенные в деятельность ВОО-ПИИК, наконец проявили готовность переоценить значение собора Александра Невского и признать его памятником. В рукописях активистов Новосибирского отделения ВООПИИК, датированных 1969 г., мы обнаружили архитектурное и историческое писание этого «памятного сооружения», названного «вторым крупнейшим в городе после железнодорожного моста» [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 25. Л. 11]. Автор справки уже не избегал упоминания, что собор возводился как «памятник царю миротворцу Александру III на Сибирском железнодорожном пути».

Архитекторы и другие защитники памятников старались популяризировать дореволюционное зодчество посредством периодической печати. Интересен пример рукописи, подготовленной для газеты «Советская Сибирь», — статьи, которая также сохранилась среди документации Новосибирского отделения ВООПИИК. Автор призывал читателей обращать внимание на эстетические достоинства старых зданий на ул. Горького, Урицкого, Чаплыгина и Коммунистической, на их связь с исконной народной традицией: «В Новосибирске сохранились еще уголки, где уцелели домики старой застройки. И попадаются среди них такие дома, что не пройдешь равнодушно, а замрешь в восхищении перед талантом сибирского мужика, чье мастерство и вдохновенный труд и через сотню лет доносят до нас красоту русской души. Это — маленькие деревянные фантазии — домики теремки, домики — сказки, изукрашенные затейливыми деревянными кружевами, неповторимыми орнаментами, сложнейшей резьбой» [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 25. Л. 132]. С одной стороны, в этом отрывке читаются контексты идеологии, прославлявшей дарования труженика из простого народа, чьи заслуги перед городом должно признать справедливое советское общество, чтящее выдающихся предков. С другой стороны, в нем выражается личное мнение и личный вкус краеведа, традиционно отстаивающего ценность артефактов, связанных именно с сибирской историей, имеющей для него самостоятельную ценность по отношению к общероссийскому нарративу. В этой рукописи звучало и горькое сожаление: «Сегодня мы уже пожинаем плоды многолетней недооценки роли и значения памятников архитектуры в системе городской застройки. Безвозвратно погибли, снесены, обветшали десятки чудо-домиков, придающих неповторимую прелесть облику современного города» [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 25. Л. 132].

Действительно, по наблюдениям очевидцев и по свидетельствам документов, официально поставленные под охрану здания все равно сносились. В частности, был утрачен деревянный дом-памятник, стоявший на

ул. Мостовой, д. 12 [Пивкин, 1973]. Сложности в охране дореволюционного архитектурного наследия проявлялись и в затягивании создания историко-архитектурного музея под открытым небом, заложенного в 1971 г. в Академгородке с целью собрать в одном месте наиболее ценные памятники старинного деревянного зодчества по всей Сибири [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 25. Л. 132].

В марте 1977 г. Новосибирский облисполком утвердил новый список памятников, включавший 24 деревянных здания. Отдельно в списке отмечались и малые архитектурные формы, такие как резные деревянные ворота на Иркутской, д. 74 и на Ленина, д. 27 [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 25. Л. 133]. Составители списка аргументировали ценность памятников уникальностью их архитектурно-планировочных решений, богатым декором и прочими инженерными и эстетическими достоинствами. О ценности исторической речи пока не шла, поскольку лишь места, связанные с военно-революционной тематикой, могли претендовать на статус памятников. Памятник почти исключительно понимался в контексте прославления героических побед или героических жертв классовой борьбы или борьбы с внешним врагом [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 25. Л. 132].

К началу 1980-х гг. защита памятников оставалась затруднительной. В 1980 г. С.Н. Баландин составил комплексный план по охране городских памятников архитектуры и истории [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 223. Л. 3]. Защитники деревянного зодчества старались донести до широкой общественности, что «деревянное зодчество Новосибирска — это итог богатого опыта общерусского деревянного жилищного строительства, включающего в себя многие традиционные элементы и композиции, привезенные из многих регионов России». В подобных аргументах вновь прослеживается переплетение идеологических формул и фраз, отражающих рост регионального самосознания, признание уникальности и ценности сибирской истории. Защитники памятников продолжали бить тревогу: из 42 прежде выявленных ценных объектов деревянного зодчества в начале 1980-х гг. осталось не более полутора десятков. Однако угрожал им, по мнению архитекторов, не только снос. Попытки реставрировать «по-дедовски», например, деревянное сооружение по ул. Фабричной, д. 18 привело, согласно оценке архитекторов, к немедленной утрате всей ценности памятника. Иными словами, защитники памятников старались объяснить, что плохая, непрофессиональная реставрация фактически также вела к уничтожению ценных артефактов, которые совершенно теряли свою аутентичность [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 305. Л. 19].

Фактически внимание к охране памятников дореволюционного историко-культурного наследия возросло к середине 1980-х гг. Формально этому способствовало утверждение Министерством культуры РСФСР положения об использовании памятников истории культуры и еще ряда директив, нацеленных на повышение качества охраны наследия. В этих инициативах проявилась попытка государства, переживавшего системный кризис, использовать в целях патриотического воспитания историко-культурное наследие для наглядной демонстрации преемственности между лучшими достижениями цивилизации и современной социалистической культурой, а также ее абсолютного превосходства. Однако на волне предперестроечных настроений звучало все больше критики в адрес советской системы. Критика коснулась и мемориального пространства Новосибирска, за сохранение которого, во многих случаях безуспешно, уже два десятилетия сражалась местная интеллигенция. В частности, используя как повод юбилейную дату 90-летия Новосибирска, В.М. Пивкин открыто заговорил об острых проблемах застройки, экологии и сохранности архитектурных памятников Новосибирска [Пивкин, 1983, с. 137–138]. Следуя общему тренду уже явной переориентации исторической памяти с общесоветских тем и сюжетов на местные, Пивкин предложил создать музей Новосибирска, в структуру которого включить ранее задуманный архитектурный заповедник, установить на набережной Оби монумент первопроходцам Сибири, а также памятники «основателю» Новосибирска — Н.Г. Гарину-Михайловскому и выдающемуся архитектору А.Д. Крячкову [Пивкин, 1983, с. 142].

В середине 1980-х гг. новосибирские защитники памятников сконцентрировали свое внимание на дореволюционной каменной архитектуре города, представленной собором Александра Невского, частновладельческими особняками и общественными зданиями, выстроенными в кирпичном стиле. В 1982 г. П.Д. Войтик писал, что дореволюционные дома «не были лишены красоты и изящества», что их облик отражает «искусную работу сибирских умельцев» [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 297. Л. 22]. Но достаточно убедительно обосновывать ценность этих зданий краеведам мешала их изначальная принадлежность новониколаевским купцам и «церковникам». Особенно трудно было защищать собор Александра Невского, который именно в начале 1980-х гг. предлагалось использовать в качестве концертного зала камерной музыки или выставочного зала картинной галереи, прежде всего чтобы сберечь это здание от разрушения. Показательно, что в новом перечне памятников города Новосибирска от 1984 г. не упоминалось ни одного культового здания [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1.

Д. 331. Л. 5–29]. Ценность купеческих особняков определялась в качестве «материальных элементов связи времен», которые «создают в городской среде исторический фон, весьма контрастно противопоставленный современной застройке». Им даже был приписан «флер романтики свершившихся историко-революционных событий» [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 305. Л. 9]. Однозначно ценными в художественном отношении признавались лишь общественные и жилые здания, выстроенные до 1917 г. по проектам А.Д. Крячкова, признанного на тот момент выдающимся архитектором [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 305. Л. 9]. Относительно несложно было обосновать необходимость сохранения каменной водонапорной башни и каменного водоподъемного здания на берегу Оби, ассоциировавшихся с рабочей историей. Усадьбу же служащих железной дороги, сохранившуюся с 1893 г. по адресу ул. Дорожная, д. 8, краеведы преподносили в качестве революционного памятника [ГАНУ, Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 255. Л. 6].

Общественная деятельность, связанная с борьбой новосибирских архитекторов за сохранение домов-памятников, сопровождалась научным изучением дореволюционного зодчества. Наиболее известным ее результатом стала книга С.Н. Баландина, посвященная истории градостроительства Новосибирска, где приводились фотоизображения дореволюционных домов-памятников, в том числе на сегодняшний день утраченных. Автор увлеченно интерпретировал символическое значение декоративной резьбы и описывал стилистическое разнообразие деревянных домов, построенных разными мастерами [Баландин, 1978, с. 31–40]. Уже на рубеже 1980-х и 1990-х гг., по договору с Научно-производственным центром по сохранению памятников группа архитекторов под руководством С.Н. Баландина, куда входили также Н.П. Журин, Н.Н. Филиппова и Е.А. Смирнова, ездила в экспедиции по населенным пунктам Новосибирской области с целью сбора эмпирического материала по истории местной дореволюционной архитектуры. Архитекторы выявляли наиболее интересные старинные здания, осуществляли их замеры, описания, фотографировали. Некоторые дома уже были отмечены как исторические памятники. В частности, еще с 1960-х гг. историческим памятником города Куйбышева считался одноэтажный каменный дом первой половины XIX в. (ул. Куйбышева, д. 42), где останавливались ссыльные декабристы. Несмотря на то, что это здание во многом утратило свою аутентичность, экспертами оно признавалось «редким примером каменного здания эпохи классицизма, испытавшим влияние местных условий» [МИАС им. С.Н. Баландина НГУА-ДИ, Материалы экспедиции по выявлению

памятников архитектуры в Новосибирской области, 1988–1992. Т. 2. Жилая архитектура. Л. КБ49]. В ряду зданий, достойных сохранения, было отмечено еще восемь домов, преимущественно деревянных, украшенных резьбой и не связанных с военно-революционной историей. Внимание исследователей особенно привлекло село Колывань — в прошлом город, имевший прежде всего торговое значение. В Колывани был отснят и описан целый ряд деревянных и каменных строений XIX в., старинные ворота и надворные постройки [МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ, Материалы экспедиции по выявлению памятников архитектуры в Новосибирской области, 1988–1992. Т. 1. Жилая архитектура]. К 1990-м гг. отпала необходимость искать идеологическое обоснование ценности старинных зданий. На фоне небывалого роста регионального самосознания и всплеска интереса к местной истории, свободной от шаблонов официального советского нарратива, памятниками официально признавались культовые здания, купеческие и мещанские дома. Однако выявленные памятники нуждались в реставрации и бережном уходе, что требовало немалых средств, в которых на сломе эпох чувствовался острейший дефицит.

Выводы. Исторически сложилось так, что в Новосибирске и малых городах Новосибирской области сохранилось немного аутентичных образцов дореволюционного каменного и деревянного зодчества. В силу идеологических причин вплоть до конца 1960-х гг. официально они не осознавались как объекты наследия, достойные мемориализации. Их присутствие в городском пространстве было незаметным для властей, принимавших решения о стратегиях развития территории. Это не означало, что объекты дореволюционной архитектуры не имели значения «мест» для старожилов, которые, однако, выражали «память места» преимущественно неформально в устных нарративах, альтернативных советскому, военно-революционному, не становившихся в те годы достоянием культурной памяти. Исходившие от местных жителей редкие инициативы по сохранению отдельных объектов, как, к примеру, первый дом Новосибирска, ничем не заканчивались (первый дом попал под снос). С конца 1960-х гг. на фоне смены курса государственной политики памяти и отказа от унификации мемориального пространства всей страны, а также в условиях некоторого ослабления контроля государства над сферами искусства и гуманитарных наук в Новосибирске началась мемориализация дореволюционного архитектурного наследия. Борьбу за признание памятниками зданий конца XIX — начала XX в. и их постановку под охрану государства вели главным образом представители творческой и научной ин-

теллигенции, преимущественно не связанной со старым Новониколаевском «корнями» и семейной историей, однако увлеченные краеведением. Их исследования не были обращены к памяти местных сообществ. Защитников дореволюционной архитектуры интересовали именно художественные достоинства старых зданий и оригинальность инженерных решений этих построек. Их борьба осложнялась идеологическими, градостроительными и хозяйственными обстоятельствами. Ни власти, ни широкая общественность, воспитанная в ориентире на технический прогресс и экономические достижения, не воспринимала выделяемые объекты как памятники хоть в чем-то ценные, разделяя взгляд на исторический центр как на «пространство», которое целесообразно модернизировать. Во многом поэтому некоторые, выявленные и взятые под охрану памятники, были все равно утрачены. Ситуация оставалась довольно сложной до середины 1980-х гг., когда на волне перестроечных преобразований обществу стали открыто предлагаться альтернативные версии истории, в том числе и локальной. Краеведы и историки обратили внимание на частные истории местных купцов, мещан, священнослужителей, крестьян — основателей города. Для обоснования ценности купеческих домов и старинных деревянных построек больше не нужно было пользоваться советскими идеологическими формулами. Достаточно было связывать архитектурные памятники с историческим своеобразием сибирского региона, поэтому сложились благоприятные условия для изучения памятников дореволюционного зодчества. Эти исследования велись отдельно от исследований историков. Цельное представление об историко-культурной ценности обозначенных памятников складывалось далеко не всегда. К тому же у памятников архитектуры появились новые враги — строительный бизнес и кризис финансирования сферы культуры, во многом до сих пор препятствующие развитию мемориального пространства городов Новосибирской области. Хочется надеяться, что на современном этапе защита памятников новониколаевской старины будет основываться на комплексной и разносторонней оценке архитектурных объектов с учетом понимания их художественной ценности, истории и связи с памятью местных сообществ, в которой то, что является «пространством» для непосвященных людей, местные жители воспринимают как значимое «место».

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и Новосибирской области. Проект №19-49-540003 «Мемориальное пространство городов Новосибирской области в исторической динамике».

Материал передан в редакцию 30 апреля 2020 г.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства (1893–1945). — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. — 136 с.
2. Вальдман И.А., Громова О.А. Концептуальные основания методологии исследования мемориального пространства в исторической динамике // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2019. — Т. 8, № 5А. — С. 34–43. — DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.034
3. Вольская Л.Н., Беляева Е.К. Среда крупного исторического города в Сибири и ее особенности // Творчество и современность. — 2019. — № 4. — С. 5–13.
4. Киселева О.В. Вопросы охраны культурного наследия в материалах сибирской периодической печати 1960–1980-х гг. (на примере объектов ленинской тематики) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2014. — Т. IX. — С. 219–223.
5. Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 320 с.
6. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. — 572 с.
7. Крячков А.Д. Архитектура Сибири за 50 лет // Архитектура Сибири: ежегодник Новосибирского отделения Союза советских архитекторов. — Новосибирск, 1951. — С. 3–28.
8. Кузнецова Е.А. Выявление новых памятников на территории объекта культурного наследия «Военный городок. Комплекс зданий военного ведомства» (город Новосибирск) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2019. — Т. XII. — Ч. 1. — С. 219–223.
9. Новокошонов С.М. Градостроительное развитие города Новониколаевска с 1893 по 1917 г. — Новосибирск: ГАУ НСО НПЦ, 2013. — 148 с.
10. Павлова Н.И., Гайер И.Н. Особенности застройки Куйбышева (Каинска) Новосибирской области в период 1722–1917 гг. // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2015. — Т. X. — Ч. 1. — С. 219–223.
11. Пивкин В.М. За десять лет до века // Сибирские огни. — 1983. — № 7. — С. 135–142.
12. Ригль А. Современный культ памятников: его сущности и возникновение. — Москва: ЦЭМ: V-A-C press, 2018. — 96 с.
13. Фурсова Е.Ф. Строительство храма рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в благотворительных деяниях каин-

ских купцов Шкроевых // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2014. — Т. IX. — Ч. 2. — С. 69–72.

14. Assman A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel // Memory Studies. — 2018. — Vol. 11. — № 3. — P. 287–300. — DOI: 10.1177/1750698018771859

15. Donovan V-S. «How Well Do You Know Your Krai?»: The Kraevedenie Revival and Patriotic Politics in Late-Khrushchev Era Russia // Slavic Review. — 2015. — Vol. 75. — Iss. 3. — Pp. 464–483. — DOI: 10.5612/slavicreview.74.3.464

References

1. Assman A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel. Memory Studies. 2018. Vol. 11. No № 3. Pp. 287–300. DOI: 10.1177/1750698018771859
2. Balandin S.N. Novosibirsk. Istoriya gradostroitel'stva (1893–1945) [Novosibirsk. History of urban planning (1893–1945)]. Novosibirsk: Zapadnosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978. 136 p. (In Russ.)
3. Donovan V-S. «How Well Do You Know Your Krai?»: The Kraevedenie Revival and Patriotic Politics in Late-Khrushchev Era Russia. Slavic Review. 2015. Vol. 75. Issue 3. Pp. 464–483. DOI: 10.5612/slavicreview.74.3.464
4. Fursova E.F. Stroitel'stvo hrama rozhdestva Predtechi i Krestitelya Gospodnya Ioanna v blagotvoritel'nyh deyaniyah kainskih kupcov Shkroevykh [Construction of the temple of the Nativity of the Forerunner and the Baptist of the Lord John in the charitable deeds of the Kain merchants Shkroev]. In: Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts, 2014. Vol. IX. Pt. 2. Pp. 69–72. (In Russ.)
5. Kiseleva O.V. Voprosy ohrany kul'turnogo naslediya v materialah sibirskoj periodicheskoy pechati 1960–1980-h gg. (na primere ob'ektov leninskoj tematiki) [Questions of protection of cultural heritage in the materials of the Siberian periodical press of the 1960s–1980s (on the example of objects of Leninist themes)]. In: Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts, 2014. Vol. IX. Pp. 219–223. (In Russ.)
6. Kuposov N.E. Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii [Strict mode memory: History and politics in Russia]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 320 pp. (In Russ.)
7. Krasil'nikova E.I. Pomnit' nel'zya zabyt'? Pamyatnye mesta i kommеморативnye praktiki v gorodah Zapadnoj Sibiri (konec 1919 — sredina 1941 g.) [Remember can't forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of the Western Siberia (the late

1919 — middle 1941).]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University, 2015. 572 p. (In Russ.)

8. Kryachkov A. D. Arhitektura Sibiri za 50 let [Architecture of Siberia: Yearbook of the Novosibirsk branch of the Union of Soviet Architects]. Arhitektura Sibiri: ezhegodnik novosibirskogo otdeleniya soyuza sovetских arhitektorov. Novosibirsk, 1951. Pp. 3–28. (In Russ.)

9. Kuznecova E.A. Vyyavlenie novyh pamyatnikov na territorii ob»ekta kul'turnogo naslediya «Voennyj gorodok. Kompleks zdaniy voennogo vedomstva» (gorod Novosibirsk) [Identification of new monuments on the territory of the Military Town (complex of buildings of the Military Department), an object of cultural heritage. (Novosibirsk)]. In: Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts, 2019. Vol. XII. Pt. 1. Pp. 219–223. (In Russ.)

10. Novokshonov S.M. Gradostroitel'noe razvitie goroda Novonikolaevska s 1893 po 1917 gg. [Urban Development of the city of Novonikolaevsk from 1893 to 1917]. Novosibirsk: State Autonomous Institution Scientific and Production Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Novosibirsk Region, 2013. 148 p. (In Russ.)

11. Pavlova N.I., Gajer I.N. Osobennosti zastrojki Kujbysheva (Kainska) Novosibirskoj oblasti v period 1722–1917 gg. [Features of the Kuibyshev (Kainsk) development) Novosibirsk region in the period 1722–1917]. In: Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts, 2015. Vol. X. Pt. 1. Pp. 219–223. (In Russ.)

12. Pivkin V.M. Za desyat' let do veka [For ten years before the century]. Sibirskie ogni. 1983. No 7. P. 135–142. (In Russ.)

13. Rigl' A. Sovremennyy kul't pamyatnikov: ego sushchnosti i vozniknovenie [Modern cult of monuments: its essence and origin]. Moscow: CEM: V-A-C press, 2018. 96 p. (In Russ.)

14. Val'dman I.A., Gromova O.A. Konceptual'nye osnovaniya metodologii issledovaniya memorial'nogo prostranstva v istoricheskoy dinamike [Conceptual foundations of the meth-

odology for the study of memorial space in historical dynamics]. Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke. 2019. Vol. 8, No 5A. Pp. 34–43. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.034 (In Russ.)

15. Vol'skaya L.N., Belyaeva E.K. Sreda krupnogo istoricheskogo goroda v Sibiri i ee osobennosti [Environment of a large historical city in Siberia and its features]. Tvorchestvo i sovremennost'. 2019. No 4. Pp. 5–13. (In Russ.)

Список источников

1. ГАНО. Ф.Р-2954. Оп. 1. Д. 25.
2. ГАНО. Ф.Р-2954. Оп. 1. Д. 178.
3. ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 219.
4. ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 223.
5. ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 255.
6. ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 305.
7. МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ. Материалы экспедиции по выявлению памятников архитектуры в Новосибирской области, 1988–1992. Т. 1.
8. Пивкин В.М. Передать потомкам. Еще раз о памятниках деревянного зодчества // Вечерний Новосибирск. — 1973. — 22 окт.
9. Пивкин В.М. Сохраним памятники народного зодчества! // Вечерний Новосибирск. — 1969. — 29 окт.

Список сокращений

ГАУ НСО НПЦ — государственное автономное учреждение «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области»

МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ — Музей истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина Новосибирского государственного университета архитектуры дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова

НГАХА — Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия
НГТУ — Новосибирский государственный технический университет

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований